

На правах рукописи

**Копеева
Екатерина Владимировна**

**Эволюция политических режимов
в субъектах Российской Федерации**

Специальность: 23.00.02 – Политические институты,
процессы и технологии

005048939

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

31 ЯНВ 2013

Москва – 2013

Kopy-

Работа выполнена на кафедре философии, культурологии и политологии
АНО ВПО «Московский гуманитарный университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Ледяев Валерий Георгиевич

Официальные оппоненты: доктор политических наук
Лапина Наталья Юрьевна,
ведущий научный сотрудник
отдела глобальных проблем ИНИОН РАН

кандидат политических наук, доцент
Ермашов Дмитрий Васильевич,
доцент кафедры истории и теории политики
ФГБОУ ВПО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Ярославский
государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского»**

Защита состоится 21 февраля 2013 г. в 16.00 час. на заседании
диссертационного совета Д 521.004.03 при АНО ВПО «Московский
гуманитарный университет» по адресу: 111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5,
корп. 3, ауд. 511.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке АНО ВПО
«Московский гуманитарный университет».

Автореферат разослан « » января 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А.К. Сквиков

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Возникшие в процессе постсоветской политической трансформации на территории России разнообразные локальные политические режимы определили особую роль регионов как субъектов местной и общероссийской общественно-политической систем в условиях современного российского политического процесса. Режимы развивались и модифицировались в постсоветской России в условиях внутренней борьбы за политическую власть в субъектах РФ между различными акторами и при активном воздействии на субнациональный политический процесс федеральных институтов и игроков.

В 1990-е годы, когда децентрализация власти достигла критического состояния, представляя угрозу для сохранения единства страны, большую практическую актуальность приобрел вопрос о допустимых пределах разнообразия политических режимов в субъектах РФ. С началом восстановления в период президентского правления В.В. Путина (с 2000 г.) властной вертикали управления был запущен процесс унификации режимов локального уровня. На протяжении последнего десятилетия федеральный Центр оказывает значительное влияние на их формирование и характер, устанавливая единые правила, но, делая исключения и предоставляя различные предпочтения, то есть, задавая данный процесс сверху.

Несмотря на значительное нивелирование политических режимов субфедерального уровня в целом, дифференцированная политика Центра по отношению к различным субъектам и разнообразие географических, экономических, социально-культурных условий развития продолжают воспроизводить предпосылки их диверсификации. В связи с этим возникает новый важный ракурс осмысления эволюции локальных политических режимов: какие последствия для местного уровня политики может иметь навязанная Центром стабилизация политических режимов субъектов РФ в рамках единой модели власти, и каковы условия преодоления этого единообразия.

Наличие двух отчетливо различаемых периодов общесистемной трансформации в России, позволяющее зафиксировать и сравнить ее результаты в различных субъектах федерации, обусловило возрастание научного интереса к изучению развития российского общества в субфедеральном срезе. Поэтому исследование становления и развития локальных политических режимов актуально как для современной политической науки, так и для политической практики. Представляется, что к наиболее значимым относятся такие проблемы, как влияние устойчивых конфигураций акторов на типы режимов; условия, определяющие стратегии взаимодействия политических игроков на местах; взаимосвязь институтов местной политики, конфигураций акторов и типа режима; внешние и внутренние факторы формирования отношений между акторами.

Степень научной разработанности проблемы. Многообразие научных исследований по данной проблеме может быть разделено на две основные группы: теоретические исследования режимов разного уровня и анализ

отдельных аспектов локальных режимов (акторы, институты, стратегии, роль Центра в формировании локальных режимов и пр.), основанный на конкретном эмпирическом материале.

Теоретические исследования режимов разного уровня. Значительное внимание изучению политических режимов уделяли В. Банс, Р. Даль, А. Лейпхарт, Х. Линц. Методологическая ценность их работ заключается в разработке теоретико-концептуальных основ процесса изменения политических режимов, в частности, в содержательной интерпретации понятия «демократический режим», подразумевающей не столько его классическое описание в рамках минималистского подхода к пониманию демократии, сколько анализ конкретных властных практик. С учетом этого режимные изменения на субфедеральном уровне в современной России рассматриваются с точки зрения реальной динамики конфигураций власти, а не их формального соответствия нормам демократии.

Теоретические основы изучения режимов субнационального уровня в западной политологии были заложены К. Стоуном, С. Элкином и другими авторами, создавшими типологию локальных режимов. Несмотря на то, что она базируется на западном эмпирическом материале, выявленная в ней универсальная логика формирования локальных режимов как типов конфигураций власти делает ее вполне применимой к российским реалиям.

В отечественной науке концепт политический режим исследовался Д.В. Ермашовым, А.Н. Медушевским, А.П. Цыганковым и другими авторами.

Типология субнациональных процессов на материалах России разрабатывалась А.В. Дахиным и Н.П. Распоповым, выделившими базовые и периферийные процессы и систему их акторов. М. Бри, В.Я. Гельман и С.И. Рыженков применили процедурный анализ трансформаций к отдельным субъектам РФ 1990-х гг., изучив основных акторов политических процессов и их важнейшие параметры. Теоретические модели регионального политического процесса также разрабатывались Р.Ф. Туровским, Н.И. Шестовым и другими исследователями.

Анализ отдельных аспектов локальных режимов. Прежде всего, это обширный корпус работ, посвященных акторам региональной политики. Особое внимание уделяется *губернаторам* как ключевым игрокам в субфедеральном политическом пространстве. Главы исполнительной власти рассматривались как проводники трансформационных процессов, модели политического лидерства которых приближали или отодвигали переход к демократии. Наиболее подробно их властный потенциал изучался Е.С. Алябьевой, Т.В. Соколовой и др.

Исследованию *депутатского корпуса местных парламентов*, их роли в политическом процессе и взаимодействию с другими акторами посвящены работы Г.В. Голосова, А.В. Кынева, Н.Ю. Лапиной, П.В. Панова, К.А. Пуниной, А.Е. Чириковой.

Поскольку до конца 1990-х годов на отдельных территориях России существовали слабые стимулы к партийному строительству и партии

практически отсутствовали в электоральном поле местной политики, первые общения их роли как политических акторов относятся к 1997-2000 годам (М.Н. Афанасьев, Г.В. Голосов, Б.И. Макаренко, Е.В. Морозова). Исследования В.Я. Гельмана, А.К. Мамитова, Р.Х. Усманова выполнены на материалах отдельных территорий (Юг России, Дон, Урал). Реформы 2000-х гг., способствовавшие интеграции региональных партий в общероссийские партийные «сети», создали стимулы для правящих элит заниматься партийным строительством. Этот феномен осмысливается в статьях М.Ф. Батуевой, А.В. Кынева и других.

Особого внимания заслуживает анализ *экономических акторов*, влияние которых на формирование локальных режимов весьма значительно. Со второй половины 1990-х годов предметом научного исследования становятся предприниматели как особая группа интересов, специфика формирования объединений предпринимателей и их участие в политическом процессе. Специальное внимание уделяется *корпорациям и крупному бизнесу в регионах* (Н.В. Зубаревич, С.П. Перегудов, Р.Ф. Туровский). Реформы В.В. Путина изменили баланс ресурсов, увеличив роль федеральных и региональных органов власти. Корпоративные сети сохраняются, но, как показали исследования С.Ю. Барсуковой, Н.Ю. Лапиной и других авторов, становятся государственно-зависимыми и вертикально-интегрированными. В то же время со второй половины 2000-х наметилось возрастание роли *малого бизнеса* как актора местной политики, что нашло отражение в ряде диссертационных исследований. Все больше внимания уделяется потенциалу влияния *глав муниципальной власти* как акторов локального режима.

Политические институты субъектов РФ. Были обобщены данные электоральных циклов по отдельным субъектам и выявлена взаимосвязь между результатами голосования и особенностями конфигурации власти на местах. Большое внимание привлекают неформальные институты, дополняющие, а иногда и замещающие формальную институционализацию. Наиболее активно изучаются клиентарные отношения (М.Н. Афанасьев, С.В. Бирюков), лоббизм (И.А. Пивоварова), протекционизм (Ю.С. Аштаев), коррупция (Е.А. Лазарев), административное давление (Н.Ю. Куракова).

Подводя итог обзору работ, посвященных изучению политических режимов в субъектах РФ, необходимо признать, что при всем их многообразии существует лишь ограниченное количество исследований, сфокусированных на системном рассмотрении режима в комбинации взаимодействия акторов, ресурсов и стратегий. Кроме того, накопленный массив эмпирических данных касается, в основном, двух групп субъектов: развитых промышленных территорий и национальных республик. В то же время большая группа дотационных областей не подвергалась пристальному анализу. При сильной экономической зависимости от Центра, а с началом строительства вертикали власти - и политической, эти территории оказались в условиях, наименее способствовавших складыванию устойчивых режимов. Задача, таким образом, заключается в том, чтобы на примере Ивановской области, являющей собой образец подобного региона, выявить особенности выстраивания конфигурации

власти, возможные источники и перспективы формирования относительно автономной системы правления.

Объект исследования – политические режимы в субъектах Российской Федерации как особая относительно устойчивая форма организации политического пространства на субфедеральном уровне.

Предмет исследования – эволюция политических режимов в субъектах Российской Федерации.

Цель исследования – выявить особенности становления и эволюции политических режимов в субъектах Российской Федерации.

Достижение указанной цели требует решения следующих задач:

– систематизировать основные элементы режимного анализа на основе обобщения теоретических подходов к изучению политических режимов в субъектах Российской Федерации;

– охарактеризовать систему локальных политических акторов в современном российском обществе, а также набор ресурсов и стратегий, используемых ими для достижения поставленных целей;

– выявить возможные устойчивые конфигурации акторов и их влияние на специфику политических режимов в субъектах Российской Федерации;

– исследовать процесс становления властных институтов местного уровня в постсоветской России, показать сочетание формальных правил и неформальных практик в контексте их влияния на специфику локальных режимов;

– проследить основные направления эволюции режимов в субъектах Российской Федерации, как в период их диверсификации, так и на этапе унификации;

– описать эволюцию политического режима Ивановской области с начала формирования демократических институтов управления до настоящего времени, рассмотрев изменения конфигурации акторов и институтов локальной политики.

Эмпирическую базу исследования составили эмпирические исследования, посвященные особенностям положения и функционирования политической власти в субъектах РФ, данные статистики, публикации.

Основным эмпирическим источником изучения политического режима Ивановской области послужили 25 глубинных интервью с представителями региональной (муниципальной) исполнительной и законодательной власти, местного бизнеса, экспертами.

Методологическая основа исследования. В ходе исследования использовались *общенаучные принципы* системности, объективности, историзма. Они позволили рассматривать эволюцию региональных режимов как социально-детерминированный компонент трансформации политической системы. На уровне *методологии* применялся неинституциональный подход (Дж. Марч, Д. Норт, Й. Ольсен). В рамках неинституционализма акторы, стратегии и ресурсы определяются как относительно постоянные элементы политических режимов. Динамика режимов задается влияниями внешней среды, а также взаимодействиями акторов по поводу власти. Применимость

этого подхода к изучению «переходных» обществ связана с тем, что он позволяет соединить статические и динамические модели политического процесса, учесть преемственность и изменения.

Научная новизна исследования:

– осуществлена адаптация теоретико-методологических оснований режимного подхода к исследованию конкретного эмпирического случая;

– выявлены основные типы конфигураций региональных политических акторов и их влияние на особенности политических режимов субфедерального уровня;

– прослежена эволюция политических режимов в субъектах РФ в рамках децентрализованной и унитарной моделей развития российской государственности;

– выявлены этапы становления и эволюции политического режима Ивановской области, установлены причины замедления процесса перехода от прежнего режима к новому и определены возможные перспективы его дальнейшего развития.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего осмысления политических процессов субфедерального уровня, выявления и обоснования перспективных с точки зрения соотношения властных полномочий «Центр-регион» путей развития субъектов федерации.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения органами власти и государственного управления положений работы и рекомендаций автора для принятия решений, способствующих повышению эффективности государственного и муниципального управления. Результаты исследования могут быть использованы при разработке специальных курсов по политологии и регионоведению.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Содержание диссертационного исследования соответствует специальности *23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии*. Содержание глав и параграфов диссертационного исследования соответствует следующим пунктам области исследования: п. 3.1.-3.2. – политический режим. Типология политических режимов; п. 3.8 – переходные режимы: современные дискуссии; п. 5.3 – центральная, региональная и местная политические элиты; п. 5.6-5.7 – строение и функции правящей элиты, политическая и бизнес-элита во власти;

Положения, выносимые на защиту.

1. Политический режим на субфедеральном уровне является важной процессуальной характеристикой функционирования власти в субъектах РФ и понимается как способ взаимодействия региональных политических акторов, имеющих значимые ресурсы и применяющих собственные стратегии, и региональных политических институтов как формальных и неформальных правил взаимодействия.

2. На этапе децентрализации (1991-1999 гг.) формирование режимов в субъектах РФ происходило в условиях относительной автономности и закрытости регионов по отношению к центральной власти, что способствовало их вариативности при общей сохраняющейся тенденции к доминированию исполнительной власти (губернатора/президента республики). На этапе рецентрализации (с 2000 г.) сглаживание специфики локальных режимов сопровождалось усилением вертикализации власти на местах, включая ее муниципальный уровень и партийную составляющую.

3. Конфигурация региональных политических акторов является частью системы связей, по которым выстраивается взаимодействие (и противодействие) игроков в региональном политическом пространстве (по линии Центр-регион; региональная власть-муниципальная власть).

4. Политический режим на территории Ивановской области прошел несколько этапов: 1991-1996 годы – период ослабления прежнего советского режима и вхождения в стадию неопределенности; 1996-2005 годы – переход к новому режиму, сопровождавшийся нарастанием неопределенности и попытками создания нового консолидированного режима; 2005-2012 годы – выход из неопределенности и создание консолидированного регионального политического режима моноцентрического типа.

5. Ныне действующий режим, возникший в результате навязанного перехода, представляет собой консолидированный моноцентрический режим, основной характеристикой которого является его управляемость и полная подконтрольность исполнительной власти.

Апробация и внедрение результатов работы. Основные положения и выводы, а также отдельные аспекты проблематики диссертации изложены автором в докладах и выступлениях на конференциях (VI Всероссийский конгресс политологов (Москва, 2012); Международная конференция «Модернизационный потенциал регионов» (Иваново, 2010); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Политическая власть: теоретико-методологический, нравственно-правовой и информационный аспекты (Йошкар-Ола, 2009); Первая всероссийская научно-практическая конференция «Система ценностей современного общества» (Новосибирск, 2008) и в 9 научных публикациях.

Основные результаты работы получили внедрение в учебном процессе ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина», внедрены сектором политологии «Научно-исследовательского института общественных и политических наук» при разработке исследования «Реформирование органов муниципальной власти: сравнительные исследования» и разработке рекомендаций для органов муниципальной власти города Чебоксары по усовершенствованию механизмов управления и сотрудниками научно-исследовательского института государственного строительства и местного самоуправления Национальной академии правовых наук Украины при подготовке выводов по фундаментальному научному исследованию «Публичная власть в Украине: конституционно-правовое регулирование механизма реализации» и

рекомендаций международной научно-практической конференции «Информационное общество и государство: проблемы взаимодействия на современном этапе», а также аналитической записки «Стратегия реформ и поиск политического баланса в Украине».

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов, заключения, списка источников и литературы, приложения.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, определяются объект и предмет, цель и задачи работы, характеризуется степень научной разработанности проблемы, излагается источниковая и теоретико-методологическая база, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования.

В первой главе «**Локальный политический режим в переходных обществах: теоретико-методологические основания исследования**» рассматриваются теоретические подходы к анализу локальных режимов, понятийная структура, основные темы и проблемы в изучении режимов субнационального уровня.

В первом параграфе «**Локальный политический режим: понятие и типология**» исследование сфокусировано на анализе концепта «локальный политический режим». Основная цель параграфа заключалась в том, чтобы, во-первых, выбрать из многообразия имеющихся подходов к пониманию политического режима тот, который релевантен задачам, поставленным в диссертации; во-вторых, обосновать допустимость его использования применительно к локальному уровню конфигурации власти; в-третьих, определиться с выбором типологии политических режимов субнационального уровня.

Традиционно интерпретация конструкта «политический режим» осуществляется в рамках двух подходов – правового и социологического. Если с точки зрения первого, под режимом понимают формально закрепленные способы функционирования политической системы, то в рамках второго режим рассматривается шире, включая как политические, так и социальные переменные. Сопоставление обоих подходов позволяет заключить, что в последнем заложены большие теоретические возможности для изучения динамики политических режимов. При социологическом подходе режим рассматривается не только как «форма» (будь то форма правления или государственного устройства) и даже не только как структура власти с присущими ей методами реализации политической воли, но и в гораздо более широком значении – как баланс, соответствие, имеющееся во взаимоотношениях социального и политического. В рамках социологического подхода предпочтение отдается определению, предложенному В.Я. Гельманом, согласно которому под политическим режимом понимается совокупность акторов политического процесса,

институтов политической власти, ресурсов и стратегий борьбы за достижение и/или удержание власти.

Предельно широкая трактовка политического режима позволяет использовать концепт применительно к политическим процессам субфедерального уровня в России при условии, что данной территориальной единице присуща минимальная автономия локальной политики и управления по отношению к вышестоящим уровням власти.

При выборе типологии локального политического режима предпочтение отдается сочетанию двух подходов: типологии В.Я. Гельмана, в основе которой лежит выделение базовых моделей режимов в зависимости от числа акторов, влияющих на формирование конфигурации власти (моноцентризм, полицентризм, бицентризм), и типологии Р.Ф. Туровского, которая позволяет оценить степень диверсификации локальных режимов в ситуации нарастающего контроля со стороны Центра и ограничения местной политической автономии с использованием следующих критериев: монополия-олигополия; автономия-зависимость, демократия-авторитаризм.

Во втором параграфе «Акторы локальных режимов, их ресурсы и стратегии» уточняется содержание понятия «актор», описываются основные атрибуты акторов (ресурсы, стратегии, цели) и их типологии, обосновывается инструментальная значимость концептов «конфигурация акторов» и «система акторов».

Анализ содержания концептов «субъект политики», «актор» и «элита» позволяет выявить следующее их соотношение: понятие «политический актор» уже, чем понятие «субъект политики», но шире, чем понятие «элита», поскольку включает в себя различные группы элит наряду с другими субъектами, удовлетворяющими критериям принадлежности к акторам.

Приводимые типологии акторов базируются на нескольких критериях, что позволяет сформировать многомерную теоретическую конструкцию. В-первых, на основании *степени влияния на принятие политических решений* в рамках локального режима акторы подразделяются на: региональную политико-административную элиту; политических акторов; экономических акторов; других региональных игроков, чье влияние, возможно, эпизодично, но при определенных обстоятельствах может иметь политический вес (СМИ, ОПГ, НКО). В-вторых, в зависимости от *локализации центра принятия властных решений* – внутри или вне региона – акторы подразделяются на внешних и внутренних. В-третьих, по *отношению к социальной структуре общества* акторы подразделяются на массовых и элитарных.

Под ресурсами в рамках данного исследования понимается «атрибут, обстоятельство или благо, обладание которым увеличивает способность влияния его обладателя на других индивидов или группы»¹. На основе *содержательного наполнения* ресурсы подразделяются на административные (контроль над использованием силового или иного принуждения по отношению к другим акторам); экономические (контроль над финансовыми

¹ Rogers M. The Bases of Power // American Journal of Sociology, 1976. Vol. 79. № 6. P. 1425.

потоками и материальными объектами); политические (влияние на действия других акторов и/или на функционирование институтов), информационные; в зависимости от *особенностей контроля и управления* – на перераспределяемые, т.е. контролируемые акторами, и непосредственно перераспределяемые (географическое положение, экономическая структура); в зависимости от *локализации центра контроля* непосредственно перераспределяемые ресурсы могут контролироваться централизованно и/или извне региона или децентрализованно и/или изнутри региона, что может оказывать существенное влияние на формирование региональной конфигурации власти.

Под стратегиями акторов понимаются относительно устойчивые модели взаимоотношений между ними. Набор стратегий задается как композицией и ресурсами акторов, так и характеристиками институтов политической власти. Эти обстоятельства обуславливают выбор конкретных решений акторов. В то же время общие характеристики политических стратегий связаны с различной оценкой акторами политической деятельности как таковой, т.е. рассматривают ли они цель последней как постоянную борьбу за власть (ее завоевание и удержание) и, следовательно, подавление противника, или же – как управление организацией, для осуществления которого необходимо сотрудничество. Отсюда – подразделение базовых вариантов стратегий на два типа - силовые и компромиссные.

Далее в диссертационной работе отдельно рассматриваются стратегии взаимодействия политических и экономических акторов, поскольку роль последних в формировании регионального политического режима весьма существенна. В связи с этим дается обзор основных концепций взаимодействия власти и бизнеса (М. Афанасьев, С. Барсукова, О. Гаман-Голутвина, Н. Лапина, А. Чирикова) и наиболее распространенных стратегий.

В третьем параграфе **«Роль институтов в функционировании локальных режимов»** определяется содержание понятий «политический институт», формальные и неформальные институты, рассматриваются основные подходы к интерпретации причин деформализации институтов в условиях постсоветских переходов, а также дается общая характеристика институциональной среды региона с выявлением возможных направлений влияния того или иного сочетания формальных и неформальных правил на специфику регионального политического режима.

Интерпретация институтов в рамках диссертации дается с позиций неоинституционального подхода, согласно которому институт понимается как совокупность установлений, норм, правил политической деятельности; затем выявляется содержательное наполнение формальных и неформальных институтов.

Поскольку большую роль в ходе формирования и эволюции локальных политических в современной России играют неформальные институты, а тенденция к деформализации формальных институтов является весьма заметной, то важно определиться с выбором теоретического подхода к

объяснению этого процесса. В этой связи рассматриваются культуралистский, государственно-ориентированный и конфигуративный подходы и обосновывается наибольшая продуктивность последнего, в основе которого лежит сочетание анализа влияния структурных факторов на развитие неформальных институтов и процедурных компонентов институционального строительства.

Далее дается характеристика основных составляющих институциональной среды субъектов РФ, которые систематизируются по следующим направлениям: 1) по уровням власти – региональная власть, сфера муниципального самоуправления, сфера взаимодействия региональной и федеральной власти; 2) по типу акторов – властная элита, экономические акторы, партии; 3) по формальности – формальные и неформальные институты.

Вторая глава «Эволюция политических режимов в субъектах Российской Федерации» посвящена рассмотрению динамики локальных режимов и выявлению основных тенденций их становления и развития в России в целом. Хронологические рамки исследования включают в себя период с 1990 по 2012 годы с подразделением его на этап децентрализации (1990-2000 гг.) и рецентрализации (2000-2012 гг.)

В первом параграфе «Становление системы политических акторов в субъектах Российской Федерации» прослеживается формирование и развитие системы политических акторов в российских регионах и в связи с этим решаются три задачи: 1) описание всех ведущих акторов политических режимов в субъектах РФ, чье участие в политике в той или иной мере может оказывать влияние на режимные изменения; 2) выявление их наиболее распространенных конфигураций на протяжении двух этапов эволюции; 3) прослеживание взаимосвязи между конфигурациями акторов и спецификой режимов.

К основным акторам, оказывающим значимое влияние на расстановку политических сил в регионе, относятся: губернатор, депутатский корпус местных парламентов, бизнес-сообщество, мэр областного центра, партии, структуры федерального Центра на местах.

В основу анализа влияния каждого из указанных акторов на формирование локального режима в рамках двух указанных периодов был положен определенный алгоритм: описание ресурсной базы, стратегий взаимодействия с другими значимыми политическими игроками, а также дополнительных факторов, которые могут влиять на изменение ресурсной базы акторов.

В ходе исследования было выявлено, что на этапе децентрализации в регионах сложилось четыре типичных конфигурации акторов и соответствующие им типы политических режимов.

Первая – *губернатор как доминирующий актор* – наиболее распространенная и устойчивая конфигурация, поскольку такая структура власти поддерживалась как институциональными инновациями, продвигаемыми Центром, так и значимостью властного ресурса,

аккумулируемого губернаторами в условиях местной автономии. Ей соответствовал *моноцентрический режим*.

Вторая – *губернатор vs спикер ОЗС* – как правило, характеризовалась кратковременностью, и, следовательно, режимы, сложившиеся на ее основе, также были достаточно неустойчивы. Победы спикеров ряда региональных ассамблей на губернаторских выборах 1995-1997 гг. были не результатом аккумуляции ресурсного потенциала председателей ОЗС, а ситуативным усилением местных парламентов в условиях институциональной неопределенности. В таких субъектах складывались режимы, тяготевшие к *неустойчивому полицентризму*.

Третья – *губернатор vs группы влияния в ОЗС* – характерна для территорий, где губернаторская власть вынуждена была конкурировать с группой (группами) влияния, сложившимися в депутатском корпусе парламента субъекта РФ и, как правило, представлявшими интересы различных региональных бизнес-групп. Такая конфигурация власти способствовала формированию *устойчивого полицентризма*.

Четвертая – *губернатор vs мэр областного центра* – также достаточно неустойчива, поскольку ресурсная база глав областных центров, в середине 1990-х претендовавших на захват стратегически значимых властных позиций в пределах субфедерального политического пространства, оказалась подорванной сужением экономических ресурсов городов и новым институциональным дизайном МСУ. В регионах с подобной конфигурацией акторов сложился *бицентризм*.

На этапе рецентрализации произошло заметное нивелирование разнообразия конфигураций акторов, и четко обнаружилась тенденция к формированию режимов моноцентрического типа с губернатором в качестве доминирующего игрока.

Во втором параграфе «Институты власти в субъектах Российской Федерации» анализируется влияние местных институтов на особенности локальных политических режимов. Формирование институционального дизайна политического пространства субъектов происходило под воздействием: 1) «советского наследия», включавшего кроме формальных институтов набор неформальных норм, которые постепенно сложились за время функционирования партийно-советской политической элиты и порой играли определяющую роль во взаимоотношения между отдельными группировками; 2) осуществленного сверху, из Центра, импорта формальных демократических институтов: невмешательство государства в частное предпринимательство, возможность создавать независимые от государства общественные и общественно-политические организации, формирование региональных органов государственной власти посредством конкурентных выборов, разделение властей и т.д.). В основе анализа локальных политических институтов лежит следующая схема. Каждая из ветвей власти (законодательная и исполнительная) функционирует как *система властных полномочий* и как *структура органов власти*. Формальные институты, определяющие правила формирования обеих ветвей власти, подразделяются

на способы легитимации власти (всенародные выборы, процедура назначения или наделения полномочиями, конкурсный отбор) и нормы, задающие структуру органов власти. Набор официально признанных правил игры расширяется и дополняется за счет совокупности неформальных институтов, которые позволяют приспособлять первые для достижения целей акторов регионального политического режима.

Поскольку институциональная среда субфедеральной политики чрезвычайно разнообразна, то круг исследуемых формальных институтов был ограничен наиболее значимыми с точки зрения влияния на особенности режима: институт выборов органов региональной законодательной власти; структура парламента, легитимация глав исполнительной власти, формирование органов региональной исполнительной власти, институты местного самоуправления, институты взаимодействия экономических и политических акторов.

На этапе децентрализации, когда федеральным Центром задавалась лишь рамочная основа формальных институтов на местах, отсутствие строгой регламентации этих норм создавало условия для лоббирования влиятельными региональными акторами выгодных им формальных правил и использования неформальных практик.

В ходе исследования было выявлено, что для субъектов РФ с *моноцентрическим режимом* характерны следующие институциональные особенности: преобладание мажоритарной системы голосования на выборах в ОЗС; преимущественно моноцентрический тип клиентелы в депутатском корпусе; упрощенная структура областной администрации, все ключевые посты в которой занимали ставленники главы региона; подчинение региональной властью муниципальной исполнительной власти за счет невыгодного для последней распределения полномочий регионального и муниципального уровней; преобладание неформальных институтов во взаимоотношениях властных и экономических акторов.

Для регионов с *полицентрическим режимом* были характерны: наличие смешанной или пропорциональной электоральной формулы; полицентрический тип клиентелы в депутатском корпусе; более сложная структура областной администрации (наличие регионального правительства, возглавляемого сильным лидером, не являющимся креатурой губернатора); значительная степень политической и экономической автономии муниципальной власти; во взаимоотношениях между властными и экономическими акторами преобладание формальных институтов (широкое представительство бизнеса в региональном парламенте) и неформальных договоренностей, построенных на партнерстве.

На этапе централизации, когда Центром стала последовательно проводиться политика строгой регламентации локальных формальных институтов, сопровождавшаяся сужением ресурсной базы акторов, произошло изменение политических режимов субъектов РФ в сторону нарастания моноцентризма. Для обеспечения доминирования в субфедеральном политическом пространстве в условиях ограниченного

формального нормотворчества главы регионов все больше стали прибегать к внедрению неформальных правил игры (подчинение с помощью силового давления местных парламентов, муниципальной власти; контроль над формированием органов исполнительной власти на местах, управление выборами), прикрываемых формально-институциональным фасадом.

В третьем параграфе «Направление эволюции политических режимов в субъектах Российской Федерации» показана динамика локальных политических режимов в период децентрализации и рассмотрены факторы, влияющие на изменение траектории их развития в условиях рецентрализации.

Изменения режимов в субъектах РФ в течение первого периода анализировались с помощью модели «обусловленного пути», позволяющей описать их динамику, поскольку она свободна как от телеологической заданности «переходов к демократии», так и логики «невозможности демократии». Советское наследие сформировало в разных регионах различные предпосылки эволюции режимов. Факторами, способствующими полицентризму и преобладанию формальных институтов, являлись высокая автономия акторов (прежде всего городских по отношению к областным) и наличие структурного раскола «центр-периферия», в то время как низкая автономия акторов и отсутствие структурных расколов способствовали моноцентризму и преобладанию неформальных институтов.

Было показано, что в период децентрализации сформировалось достаточно большое разнообразие локальных политических режимов при преобладании различных разновидностей авторитарного режима.

При этом пути, ведущие к появлению доминирующего актора, были различны: 1) прорыв к властным позициям аутсайдеров – популистов (Саратовская область при режиме губернатора Д. Аяцкова, Калмыкия при президенте К. Илюмжинове); 2) «захват полномочий» исполнительной властью (Москва при Ю. Лужкове); 3) «прямая трансформация» правящей группы прежнего политического режима в доминирующего актора нового политического режима (например, Ульяновская область при Ю. Горячеве).

Второй тип – гибридные режимы – строятся на основе интересов элит и достижения значимых компромиссов между акторами по основным политическим вопросам (Нижегородская, Томская, Новгородская области).

В случае отсутствия доминирующего актора и отказа местных элит от использования силовых стратегий сложились предпосылки для формирования полицентрического режима с преобладанием формальных институтов и компромиссных стратегий. Не будучи демократическими, тем не менее, эти режимы открывают возможность движения в сторону демократизации (Волгоградская, Свердловская, Пермская области, Удмуртия).

С началом процесса рецентрализации, инициированного федеральным Центром, наиболее ярко выраженной стала тенденция к нарастанию единообразия локальных политических режимов в сторону губернаторского моноцентризма. В то же время мониторинг субфедеральных политических

процессов дает основания допускать возможность их вариативности, хотя и не столь ярко выраженной, как это было в 1990-е годы. Основными векторами, по которым происходит смещение центров принятия решений в рамках локальных политических режимов, являются следующие.

Во-первых, *ориентированность в сторону федерального Центра*. Будучи внешним по отношению к региональной конфигурации власти игроком, именно он на данный момент сосредоточил наибольшие властные ресурсы, позволяющие распределять и перераспределять их между субъектами федерации. Достигнутый в целом достаточно низкий уровень конфликтности местных элит является результатом выстраивания корпоративно-бюрократической модели власти, распространяемой сверху вниз и объединяющей федеральные и региональные властные элиты системой неформальных договоренностей. При всей стабильности опасность сложившейся системы отношений заключается в консервации ряда особенностей современных локальных режимов (поощрение Центром «вертикалей власти», выстраиваемых на региональном уровне, ярко выраженная асимметричность институтов с уклоном в сторону неформальных практик), которые делают моноцентризм единственно возможным вариантом.

Во-вторых, *возрождение городских режимов*, в рамках которых формируются центры власти, альтернативные региональным. В отличие от первой, эта тенденция не столь очевидна, и следует признать, что возможности формирования относительно автономных городских режимов сохраняются только в тех муниципальных образованиях, где сложились традиции полицентризма и имеются структурные предпосылки для дифференциации центров политического влияния.

В третьей главе «**Политический режим в Ивановской области: основные характеристики и тенденции развития**» дается анализ политического режима отдельного субъекта РФ с точки зрения особенностей его становления и возможных перспектив последующего изменения.

Первый параграф «Политические акторы режима в Ивановской области: ресурсы, стратегии и специфика взаимодействия» представляет собой аналитический обзор системы политических акторов и изменения их конфигураций. Хронологические рамки обзора совпадают с временными границам, принятыми ранее применительно к субфедеральному уровню политики в целом, но внутри них выделены три этапа, соответствующие трем фазам эволюции режима в Ивановской области.

На первом этапе становления политического режима акторы как автономные субъекты еще не сформировались. Это было обусловлено слабостью ресурсной базы, которая не позволяла им включиться в политическую конкуренцию, а заставляла следовать в русле институциональных преобразований, навязываемых Центром, и придерживаться в отношении друг друга компромиссных стратегий. Экономические акторы (старый советский директорат, частные предприниматели нового поколения) представляли разные группы влияния в

региональном парламенте (первые консолидировались с представителями партийно-советской номенклатуры и областной администрацией; вторые образовали самостоятельную группу интересов).

На втором этапе начала оформляться конфигурация акторов с губернатором в центре. Стремление главы областной администрации занять доминирующее положение натолкнулось на сопротивление отдельных веток групп в ОЗС и попытки главы города Иваново навязать региональной власти свои правила игры. Результатом этого противостояния стали многочисленные конфликты между акторами, которые, однако, были следствием не их ресурсообеспеченности, а неопределенности формально-институционального дизайна. Прослеживается тенденция к дистанцированию экономических акторов от прямого участия в политической деятельности. Вторичность партий как акторов выражалась в том, что они, как правило, не обладали самостоятельной ресурсной базой, а представляли собой организации клиентелистского типа, не укорененные в политическом пространстве региона.

На третьем этапе сложилась отчетливая конфигурация акторов во главе с губернатором как доминирующим актором. Все остальные игроки (парламент, избранный глава областного центра, затем сити-менеджер, глава местного отделения «Единой России») подконтрольны ему. Внешне политика губернатора ориентирована на бесконфликтное взаимодействие с другими акторами, однако за этим нередко скрываются силовые стратегии, маскируемые под следование формальным нормам.

Во втором параграфе «Институциональная организация политической власти в Ивановской области» описывается институциональная среда региональной политики и проверяется ряд гипотез о взаимосвязи между институтами областной власти и особенностями режима.

В ходе исследования было выявлено, что на локальный политический режим влияют не столько сами формальные институты и неформальные практики, сколько ресурсы акторов, способных использовать эти институты для достижения своих политических целей. Подтверждением этому является, например, тот факт, что использование, в основном, формальных институтов на первом этапе эволюции политического режима Ивановской области было не столько следствием силы акторов, сколько слабости ресурсной базы. Соответственно, достижение компромиссов между субъектами местной политики было признаком не полицентризма, а обоюдной договоренности губернатора и спикера о сохранении статуса-кво, т.е. поддержания режима управления, фактически воспроизводившего расстановку сил в области в позднесоветский период.

Сопоставление различных формальных институтов легитимации главы областной администрации (назначение президентом, всенародные выборы, назначение президентом и одобрение региональным парламентом) показало, что его вступление в должность через всенародные выборы (при возможности на местном уровне издавать законы, регулирующие эту

процедуру) создает условия большей автономии губернатора как политического актора. При этом способность последнего лоббировать выгодные для него формальные правила и внедрять неформальные является наиболее существенным фактором, влияющим на локальный режим.

Однако применительно к ситуации, сложившейся в области с 1996 по 2005 г. (периоды правления губернаторов, занявших этот пост в результате выборов), следует признать, что автономизация исполнительной власти не способствовала созданию консолидированного режима, а, напротив, в период правления последнего всенародно избранного губернатора закончилась окончательной дестабилизацией неустойчивого моноцентризма, который начал формироваться при его предшественнике. С изменением института легитимации глав региональной администрации с выборов на наделение полномочиями исполнительная власть оказывается полностью подчиненной федеральной власти, при этом, стремясь воспроизвести эту же модель подчинения на региональном уровне и, в результате, формируя жесткую вертикаль власти во главе с губернатором.

Замена мажоритарной системы голосования на выборах ОЗС на смешанную (с 2004 г.), которая теоретически должна была способствовать усилению конкуренции между региональными политическими акторами, на практике к этому не привела. Это объясняется тем, что изменение указанного формального института совпало с назначением в область нового губернатора, обладавшего, в отличие от своих преемников, сильной ресурсной базой. Вследствие этого ему удалось с помощью насаждения неформальных практик адаптировать формальные институты для подчинения себе депутатского корпуса областного парламента.

В ходе изучения эволюции институтов политического режима Ивановской области подтвердилась общероссийская закономерность, выражающаяся в том, что наряду с формальными правилами игры неформальные практики являются важными элементами институционального дизайна. Вместе с тем, исследование соотношения формальных и неформальных практик показало, что не на всех этапах становления и эволюции политического режима области они могли успешно задаваться акторами и функционировать, дополняя неформальные институты.

Для политических процессов, протекавших в Ивановской области характерны следующие особенности неформальной институционализации: а) неразвитость неформальных институтов на этапе ослабления прежнего режима и вхождения в неопределенность, что было типично для периферийных регионов со слабой ресурсной базой; б) отсутствие устойчивой моноцентрической клиентелы на этапе перехода к новому режиму, обусловленное недостаточной ресурсной базой главы областной исполнительной власти, непродуманной кадровой политикой и неумением выстраивать личные отношения (при губернаторе В. Тихонове); в) использование неформальных практик под прикрытием формальных институтов с целью подавления потенциальных конфликтов между акторами

(внутри ОЗС, в партии власти) и выстраивания жесткой вертикали власти (при губернаторе М. Мене).

В третьем параграфе «Этапы эволюции режима в Ивановской области» дается анализ этапов его трансформации и выявляется логика формирования современного политического режима. Отмечается, что локальная специфика этого процесса определялась двумя основными группами факторов – *структурными и процедурными*.

К структурным факторам относятся: 1) исторически сложившаяся структура экономики области, в которой преобладала текстильная промышленность, работающая на узбекском хлопке; вслед за распадом СССР и разрывом экономических связей последовали перебои с поставками сырья, и областная промышленность (текстильная и легкая) оказалась в тяжелом кризисе; 2) отсутствие на территории области – в отличие от соседних Ярославской, Владимирской, Нижегородской областей – предприятий тяжелой промышленности, связанной с ВПК, приводившее к существенному ограничению финансирования областного бюджета; 3) слабая ресурсно-сырьевая база, что значительно снижало интерес к области как со стороны федерального Центра, так и впоследствии со стороны частных инвесторов; 4) отсутствие сильных и стабильных группировок региональной политической элиты, не способствовавшее возникновению внутриэлитных расколов.

Процедурные факторы сводятся к следующим: 1) затянувшаяся стадия перехода от прежнего режима, в ходе которой происходило нарастание неопределенности от минимальной (в начале 1990-х) до очень высокой степени (в середине 2000-х); 2) неоднократные неудачные попытки консолидации политического режима, завершившиеся при выходе из неопределенности реализацией сценария «война всех против всех».

Основными признаками этапа *ослабления прежнего режима и вхождения в неопределенность* (1991-1996 гг.) стали демонтаж формальных институтов советского периода и установление формальных институтов нового режима. Однако отсутствие структурных предпосылок для формирования в области автономных акторов обусловило относительную продолжительность стадии ослабления прежнего советского режима.

На этапе *перехода к новому режиму* (1996-2005 гг.) были предприняты две попытки создания консолидированного политического режима. Переход осуществлялся по схеме сценария, приближающегося к модели «пакта». В его основе лежала договоренность между частью региональной политической элиты, поддерживающей действующего губернатора, и федеральным Центром, заинтересованным в том, чтобы главой области стал предсказуемый кандидат. Начавший складываться режим характеризовался следующими признаками: 1) появление доминирующего актора – главы областной исполнительной власти; 2) наличие других акторов, претендовавших на то, чтобы составить конкуренцию губернатору в формировании повестки дня и принятии властных решений; 3) изменение стратегий, используемых субъектами региональной политики с преимущественно компромиссных на силовые.

Однако, в целом, формирующийся моноцентризм был крайне неустойчивым, а сложившаяся конфигурация акторов – достаточно аморфной. Ни один из двух губернаторов не смог аккумулировать достаточный властный ресурс для того, чтобы укрепить моноцентрическую модель власти. К концу 2005 года политическая ситуация в области достигла пика дестабилизации и нарастания неопределенности, выход из которой осуществлялся по сценарию «война всех против всех» – наиболее бесперспективному с точки зрения формирования политического режима.

Третий этап эволюции (2005 – 2012 гг.) представлял собой *выход из неопределенности и создание консолидированного политического режима моноцентрического типа*. Выход из неопределенности осуществлялся по сценарию «победитель получает все». В данном случае возникновение доминирующего актора в лице губернатора-назначенца стало следствием осуществленного Центром навязанного перехода, формально-институциональным сопровождением которого стало изменение процедуры общенародных выборов глав регионов на их назначение президентом.

С приходом к власти ныне действующего губернатора М. Меня начал проводиться последовательный курс на восстановление вертикали власти, признаками которого стали: 1) концентрация в руках доминирующего актора всей полноты ресурсов, обеспечивающая ему свободу политического маневра; 2) использование доминирующим актором силовых стратегий для навязывания собственных правил игры и повестки дня; 3) снижение роли формальных институтов и использование их как фасада для неформальных практик; 4) контроль доминирующего актора над всей публичной сферой.

В заключении представлены основные результаты исследования, сделаны выводы о причинах формирования в области моноцентрического политического режима и предпосылках его возможной демократизации.

Локальные политические режимы в России являются неотъемлемой частью политической реальности. Их становление обозначило начало постсоветской трансформации и дифференциацию российского политического пространства. Существовавшие до этого режимы представляли собой проявление типичного для позднесоветского периода административного режима, т.е. не были по своей природе политическими режимами, а только лишь системами управления, которым было свойственно отсутствие акторов или их слабая автономия.

В развитии политических режимов субъектов РФ отчетливо прослеживаются два этапа: децентрализации (1991-1999) и рецентрализации (2000-2012 гг.).

На *этапе децентрализации* в политическом пространстве регионов появляются все основные акторы, включившиеся в борьбу за ресурсы власти и использовавшие при этом определенные стратегии. К игрокам с наибольшим объемом ресурсов относились глава региональной исполнительной власти, спикер регионального парламента, мэр областного (крупного промышленного) центра и региональная бизнес-элита. В зависимости от структурных, культурно-национальных и других факторов

сложилось четыре основных конфигурации акторов, определявших специфику режимов (моноцентризм, полицентризм, бицентризм).

Хотя институциональный дизайн политики в субъектах РФ формировался в ходе импорта формальных институтов из Центра, отсутствие строгой регламентации процедур формирования органов региональной власти и МСУ создавало условия для лоббирования влиятельными локальными игроками выгодных им законодательных норм, дополняемых неформальными правилами. Наличие одного или более центров принятия властных решений на местах влияло на специфику институтов, характерных для моноцентрических или полицентрических режимов.

На *этапе рецентрализации* произошло нивелирование разнообразия конфигураций акторов и наметилось тяготение к режимам моноцентрического типа с губернатором во главе. Это стало следствием проведения Центром политики унификации региональных институтов, выстраивания вертикали власти, включившей в себя и муниципальное самоуправление, и партийную составляющую; удаления крупного бизнеса от власти, что на местах выразилось в замене губернаторов-олигархов чиновниками.

Демонтаж советской политической системы в Ивановской области произошел без смены элит и не сопровождался острыми конфликтами. Изначальное примерное равновесие сил законодательной и исполнительной ветвей власти обуславливалось, с одной стороны, общими генетическими корнями местной элиты, включившей представителей советской бюрократии и хозяйственной номенклатуры – директорского корпуса, а с другой стороны, слабостью ресурсной базы субъектов региональной политики. В то же время сказалось отсутствие ярких политических лидеров, способных претендовать на руководящую и консолидирующую роль в условиях открывшихся возможностей демократических преобразований.

Затянутость этапа перехода от позднесоветского административного к новому политическому режиму была обусловлена такими факторами, как тяжелое экономическое положение области, вызванное системным кризисом во всех отраслях региональной экономики, отсутствие значимой ресурсной базы, снижавшее интерес к региону со стороны федерального Центра, слабость бизнес-акторов. Обозначившиеся в среде политической элиты расколы были следствием не внутренних политических процессов вызревания нескольких автономных центров принятия властных решений, а результатом подрывной деятельности внешних акторов. Выход из неопределенности происходил по сценарию «война всех против всех» – наиболее бесперспективному с точки зрения формирования режима.

Консолидация режима стала возможна с приходом к власти губернатора-назначенца М. Меня. Однако обратной стороной стабилизации политической ситуации в области стала концентрация власти в руках губернатора, для подавления своих конкурентов нередко прибегающего к использованию силовых стратегий; нарастание сферы неформальных правил игры, скрываемой за фасадом формальных институтов; увеличение закрытости

региона по отношению к внешним СМИ и контроль над областными масс-медиа.

Сопоставление логики эволюции политического режима Ивановской области с тенденциями общефедерального уровня показывает, что формирование подобного типа режима связано не только с местной спецификой, но и с общей политикой государства, направленной на выстраивание вертикали власти.

Вместе с тем, представляется, что даже в сложившихся условиях существует определенный потенциал демократизации политического режима в Ивановской области, связанный со стимулированием развития, прежде всего, малого бизнеса в сфере производства товаров и услуг.

Важным источником развития политического плюрализма является разрушение монополии партии власти и создание условий для межпартийной конкуренции, облегчающих прохождение в орган законодательной власти представителей других политических партий.

Наконец, еще одним фактором, способным повлиять на подрыв моноцентрической конструкции областной власти, является расширение возможностей и совершенствование инструментов участия различных институтов гражданского общества в сфере законодательной, контролирующей, экспертной деятельности.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в рецензируемых научных журналах определенных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Копаева Е.В. Губернатор и региональный парламент: борьба за власть в контексте трансформации (случай Ивановской области) // Политика и общество. 2011. № 10. С. 15-21 (0,6 п.л.).

2. Копаева Е.В. Политический режим в субъекте Российской Федерации: этапы и перспективы эволюции (на примере Ивановской области). // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 310-313 (0,3 п.л.).

Публикации в других научных изданиях:

3. Копаева Е.В. Региональный политический режим: понятие, сущность, проблема типологизации: монография / под ред. О.Е. Гришина, А.К. Сквикова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012. С. 164-177 (0,6 п.л.).

4. Копаева Е.В. Система региональных политических акторов: основные этапы формирования (на примере Ивановской области) // Факторы устойчивого развития регионов России: монография / под общей ред. С.С. Чернова. – книга 12. – Новосибирск: ООО «агентство «СИБ-ПРИНТ», 2012. С. 194-207 (0,8 п.л.).

5. Копаева Е.В. Некоторые проблемы взаимодействия власти и бизнеса в регионе (на примере Ивановской области) // Современное предпринимательство: социально-экономическое измерение: / под общей ред. О.И. Кирикова. – книга 20 – Воронеж: ВГПУ, 2008. С. 140-150 (0,5 п.л.).

6. Копаева Е.В. Соотношение формальных институтов и неформальных практик как фактор стабильности регионального политического режима (на примере Ивановской области) // VI Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия»: материалы. Москва, 22-24 ноября 2012г. – М.: Российская ассоциация политической науки, 2012. С. 248-249 (0,1 п.л.).

7. Копаева Е.В. Развитие институтов муниципального самоуправления в контексте формирования гражданского общества (случай Ивановской области) // PolitBook. 2012. № 2. С. 100-109 (0,5 п.л.).

8. Копаева Е.В. Губернатор и бизнес-элиты в субъектах Российской Федерации: этапы институционализации отношений (на примере Ивановской области) // Інформаційне суспільство і держава: проблеми взаємодії на сучасному етапі: зб. наук. ст. та тез. наук. повід. за матеріалами міжнар. наук.- практ. конф., м. Харків, 26 жовтн. 2012 р. / редкол.: В.Г. Пилипчук, С.Г. Сergyога, І.В. Яковюк. – Х.: НДІ держ. буд-ва та місц. самоврядування, 2012. С.132-138 (0,4 п.л.)

9. Копаева Е.В. Влияние выборов как института формирования региональной законодательной власти на специфику регионального политического режима (на примере Ивановской области) // Актуальные проблемы науки и техники / Сборник научных трудов IV Международной научно-практической конференции молодых ученых. Уфа: Нефтегазовое дело, 2012. С. 159-160 (0,1 п.л.).

10. Копаева Е.В. Региональная политическая элита: источники рекрутирования и тенденции эволюции (на примере формирования кадрового состава Ивановского областного органа законодательной власти) // Модернизационный потенциал регионов / Сборник докладов и тезисов Международной научно-практической конференции. Иваново: Изд-во Ивановский государственный университет, 2011. С. 58-60 (0,2 п.л.).

11. Копаева Е.В. Роль регионального бизнес-сообщества Ивановской области в устойчивом развитии региона (политический аспект) // Стратегия устойчивого развития регионов России / Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. С. 99-102 (0,2 п.л.).

12. Копаева Е.В. Стратегии взаимодействия региональных политических акторов (на примере Ивановской области) // Политическая власть: теоретико-методологический, нравственно-правовой и информационный аспекты / Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 29-30 мая 2009, Йошкар-Ола. Марийский государственный университет, 2009. С. 262-266 (0,3 п.л.).

13. Копаева Е.В. Трансформация региональных политических режимов в России: к вопросу о сущности демократии // Система ценностей современного общества / Сборник материалов 1 Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск: ЦРНС – Изд-во СИБПРИНТ, 2008. С. 121-123 (0,1 п.л.).

Подписано в печать 15.01.2013 г. Заказ № 44
Формат 60x84 1/16. Объем 1,5 п.л. Тираж 100 экз.
Издательство АНО ВПО «Московский гуманитарный университет»
111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5